

С.В. Шарапов*

**ЗАКОН И СТИМУЛ: ПРОБЛЕМА КОЛХОЗНОГО ТРУДОДНЯ
В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ
(1938–1946 ГОДЫ)****doi:10.31518/2618-9100-2026-4-11
УДК 94:631.1(47+57)"1938/1946"*Выходные данные для цитирования:**Шарапов С.В. Закон и стимул: проблема колхозного трудодня в условиях мобилизационной экономики (1938–1946 годы) // Исторический курьер. 2026. № 4 (48). С. 172–187. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-11.pdf>*

S.V. Sharapov*

**LAW AND INCENTIVE: THE PROBLEM OF THE COLLECTIVE
FARM WORKDAY IN THE CONDITIONS
OF THE MOBILIZATION ECONOMY (1938–1946)****

doi:10.31518/2618-9100-2026-4-11

*How to cite:**Sharapov S.V. Law and Incentive: The Problem of the Collective farm Workday in the Conditions of the Mobilization Economy (1938–1946) // Historical Courier, 2026, No. 4 (48), pp. 172–187.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-4-11.pdf>]*

Abstract. Under Stalin's model of agrarian governance, the country's food security depended on collective farms. The level of collective farm production was determined by the efficiency with which agricultural cooperatives utilized labor resources. This article offers an alternative perspective on state labor policy regarding collective farms at the end of the 1930s–1940s. Its direction was determined by profound structural contradictions inherent in the artel mode of production. The most obvious of these was the low attractiveness of seasonal fieldwork, which accounted for the bulk of the cost of a labor day. Administrative and service personnel (guards, storekeepers, cleaners, etc.) worked significantly more labor days, despite their indirect contribution to the final product. This disproportion was particularly acute in "lagging" collective farms, where the share of administrative labor days reached 30–40 %. This reduced the involvement of field workers in the economy of the agricultural artel. The state saw hidden reserves of labor in those family members of collective farmers who, due to the intra-household distribution of labor, were employed on private farms. The introduction of a mandatory minimum workday allowed for a shift in the proportion of labor input (albeit not radically) from private household plots to collective farm public works. An analysis of incentive measures (additional payments for over-planned production, priority advance payments for harvesting) shows that they failed to overcome the income imbalance. The most effective was the informal practice of issuing increased in-kind remuneration during the harvest period, although it disrupted the standardized accounting of workdays and introduced chaos into final settlements. The shortage of physical labor in fieldwork, coupled with the slowdown in agricultural mechanization, remained one of the main problems of the collective farm economy. It had a negative impact on productivity and, consequently, reduced the state's ability to achieve the creation of a sustainable food supply system.

Keywords: state agricultural policy, collective farms, workday, mandatory minimum workdays.

* **Сергей Валерьевич Шарапов**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

Sergey Valerievich Sharapov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was made on the topic of the state assignment "Socioeconomic Potential of Russia's Eastern Regions in the 20th and Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, and Geopolitical Context" (FWZM-2024-0005).

*The article has been received by the editor on 10.04.2026
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. В рамках сталинской модели аграрного строя продовольственная безопасность страны зависела от колхозов. Уровень колхозного производства определялся степенью эффективности использования сельхозартелями трудовых ресурсов. В статье предлагается альтернативный взгляд на государственную трудовую политику в отношении колхозов в конце 1930-х – первой половине 1940-х годов. Ее вектор определялся глубокими структурными противоречиями артельного способа производства. Наиболее явное из них заключалось в низкой привлекательности сезонных полевых работ, которые и формировали основную стоимость трудодня. Работники административного и обслуживающего персонала (сторожа, кладовщики, уборщики и др.) вырабатывали значительно больше трудодней, при том что их вклад в создание конечного продукта был опосредованным. Эта диспропорция особенно обострялась в «отстающих» колхозах, где доля административных трудодней достигала 30–40 %. Она снижала вовлеченность работников полеводства в экономику сельхозартели. Государство видело скрытые резервы труда в тех членах семей колхозников, которые в силу внутридворового распределения были заняты в ЛПХ. Ведение обязательного минимума позволяло сместить пропорцию трудозатрат (хотя и нерадикально) от ЛПХ к общественным работам в колхозе. Анализ мер стимулирования (доплаты за сверхплановую продукцию, приоритетное авансирование уборочных работ) показывает, что они не смогли преодолеть диспропорцию в доходах. Наиболее действенной оказалась неформальная практика – выдача повышенного натурального вознаграждения в период уборки, хотя она нарушала унифицированный учет трудодней и вносила хаос в окончательные расчеты. Дефицит физического труда в полеводстве при торможении процессов механизации сельского хозяйства оставался одной из основных проблем колхозной экономики. Он негативно сказывался на производительности, а следовательно, сокращал возможности государства добиться создания устойчивой системы продовольственного обеспечения.

Ключевые слова: аграрная политика государства, колхозы, трудодень, обязательный минимум трудодней.

Статья поступила в редакцию 10.04.2026 г.

Введение. В рамках сталинской модели аграрного строя продовольственная безопасность страны в значительной степени зависела от колхозов. Уровень производства в них определялся степенью эффективности распоряжения наличными ресурсами, в том числе трудовыми. В колхозной экономике преобладало внеэкономическое принуждение к труду, но использовались и материальные стимулы. Формой оценки затрат труда и долевого участия в распределении доходов в сельхозартелях являлись трудодни, в которых в соответствии с установленными нормативами оценивался каждый вид выполняемых колхозниками работ.

Колхозный трудодень уже не раз становился объектом исторических исследований. При довольно редких попытках апологетики возникшей вместе с коллективизацией системы оплаты труда¹ большинство современных авторов рассуждают о нем в контексте становления в 1930-е годы порядков эксплуатации советского крестьянства². Применительно к предвоенному и военному периодам введение и последующее повышение обязательного

¹ Шубин С.И. История трудодня (1930–1966) как меры труда и инструмента его стимулирования // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 6. С. 31–37.

минимума трудодней трактуются как эффективная мера по усилению трудовой дисциплины в колхозах, хотя и сопровождавшаяся большим количеством издержек³. В ряде работ указывается, что принудительная мотивация к труду имела ограниченное влияние на крестьянство и на первый план выходили моральные стимулы⁴. Появились специальные работы, посвященные динамике интенсивности труда колхозников в годы войны, стоимости трудодня и количественным/качественным изменениям в составе трудовых ресурсов деревни⁵.

Наше исследование предлагает альтернативный взгляд на трудовую политику государства в отношении колхозной деревни в конце 1930-х – первой половине 1940-х годов. На наш взгляд, ее вектор был определен глубокими структурными противоречиями артельного способа организации производства. Добиться их выявления мы можем, сочетая макро- и микроуровни анализа, исследуя общестрановые процессы во взаимосвязи с внутрисельскими. Микроуровень исследования обеспечивается материалами Омской, Новосибирской областей и Алтайского края. Эти важнейшие зерновые регионы во время войны находились в глубоком тылу и испытывали на себе наравне с другими все эффекты государственной мобилизационной политики.

От инерции к регуляции. В «сталинском» учебнике политэкономии при описании путей развития СССР индустрии и сельскому хозяйству отводились далеко не равнозначные роли. Промышленность в этой паре безусловно выступала «ведущим началом»⁶. Государственное индустриальное предприятие представлялось «наиболее зрелой, до конца последовательной» формой производственных отношений⁷. Колхозная деревня в глазах большевиков выглядела неполноценной, отставая от города даже по уровню культуры⁸. Более того, само существование наряду с государственной колхозно-кооперативной формой собственности И.В. Сталин возводил в ранг решающей причины сохранения при социализме товарно-денежных отношений. Отсюда следовал известный тезис о том, что колхозно-кооперативная форма собственности должна подняться до уровня государственной (общенародной). Путь к этому виделся в комплексной механизации сельскохозяйственного производства, которая должна была сопровождаться последовательным сокращением сферы товарно-денежного обращения (замещением его прямым продуктообменом)⁹. Перспективы связывались с постепенным свертыванием рыночного компонента во взаимоотношениях между городом и деревней за счет ускоренного развития индустрии и увеличения выпуска промышленной продукции до той стадии, когда она закроет все потребности села.

В конце 1930-х годов темпы механизации сельского хозяйства, достигнутые в 1935–1936 гг., снизились. Приоритеты сместились в сторону оборонно-промышленного комплекса: если в 1936 г. в СССР было произведено 112,9 тыс. тракторов, то в 1937 г. только 50,1 тыс., в 1938 г. – 49,2 тыс., в 1939 г. – 48,1 тыс., а в 1940 г. – 31,6 тыс. (в пересчете на 15-сильный трактор соответственно 173,2, 66,5, 93,4, 88,8 и 66,2 тыс.)¹⁰. С 1937 г. стало

² См.: Мотревич В.П. Советский трудодень – зарплата «крепостных» колхозников в условиях тоталитарного государства // Аграрный вестник Урала. 2013. № 3. С. 38–43.

³ Мотревич В.П. Повышение обязательного минимума трудодней в СССР и его реализация на Урале // Аграрный вестник Урала. 2014. № 9. С. 51–53.

⁴ Рыков А.В. Внеэкономическая мотивация колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Алтайского края) // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2. С. 130–134.

⁵ Шувалова Ю.Б. Уровень интенсивности труда колхозников в годы Великой Отечественной войны на примере Молотовской (Пермской) области // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 146–159; Аргунов О.Н. К вопросу о материальном обеспечении трудодней в период восстановления сельскохозяйственной отрасли народного хозяйства Курской области (1943–1957 гг.) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 3. С. 104–109; Викторов А.Ю. Доходы колхозников Кузбасса от общественного хозяйства в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3. С. 108–112; Насибуллина Р.М. Оплата труда колхозников и рабочих совхозов Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Башкирского университета. 2007. № 1. С. 156–159.

⁶ Политическая экономия: учебник. М., 1954. С. 478.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 561.

⁹ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 219.

активно осваиваться производство новых моделей гусеничных тракторов (СХТЗ-НАТИ, С-65), что позволило несколько компенсировать снижение количества выпускаемых единиц наращиванием их мощности. При этом следует учитывать, что новую технику прежде всего направляли в основные сельскохозяйственные регионы страны (Центрально-Черноземный район, Кубань, Поволжье, Украину). В Сибири, несмотря на то, что тракторный парк МТС в конце 1930-х годов стабильно прирастал количественно (в МТС Новосибирской области в 1938–1939 гг. количество тракторов возросло с 6 722 до 7 292¹¹), его основу составляла техника, поступившая в 1935–1936 гг., – уже устаревшие и маломощные колесные образцы, подверженные износу и частым поломкам. Перебои в поставках горюче-смазочных материалов, сокращение производства запчастей только ухудшали положение дел. Производительность тракторных работ в конце 1930-х годов быстро снижалась: в Новосибирской области выработка на один 15-сильный трактор в 1938 г. составила 429 га, в 1939 г. – только 343 га, в 1940 г. – 324 га¹². Столь же стремительно во второй половине 1930-х годов сокращалось производство уборочной техники. Выпуск комбайнов в СССР в 1936 г. составил 42,6 тыс., в 1937 г. – 43,9 тыс., в 1938 г. – 22,9 тыс., в 1939 г. – 14,8 тыс., в 1940 г. – 12,8 тыс.¹³

Замедление механизации на фоне неразрешенной продовольственной проблемы (особенно ввиду возможной войны) повышало значение колхозов с их собственными трудовыми и тягловыми ресурсами. Для восточных регионов СССР это было тем более актуально в связи с грандиозными планами по расширению посевных площадей. Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 апреля 1940 г. площадь пашни в колхозах и совхозах восточных районов СССР должна была увеличиться к 1942 г. на 4345 тыс. га¹⁴. В то же время в конце 1930-х годов сталинское руководство столкнулось с явными признаками эрозии общественного хозяйства колхозов и нарастающей внеартельной экономической активностью крестьянства.

Глубокую тревогу вызывала растущая с каждым годом доходность личных приусадебных хозяйств (ЛПХ) колхозников. Достаточно взглянуть на статистику доходов населения от реализации сельскохозяйственной продукции на колхозных рынках: в 1936 г. выручка в рублях (образца 1924 г.) составила 6,4 млрд руб., в 1938 г. – 10,8 млрд руб., а в 1939 г. – уже 14,7 млрд руб.¹⁵ В 1938 г. выяснилось, что темпы прироста поголовья скота в колхозах серьезно уступали личному сектору¹⁶. С точки зрения государства подсобные хозяйства оттягивали на себя труд колхозников, а их доходность считалась следствием паразитирования на артельных ресурсах. Принятые в 1938–1939 гг. постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) («О нарушении Устава сельскохозяйственной артели в колхозах Белорусской республики» от 4 декабря 1938 г.¹⁷, «О нарушениях Устава сельскохозяй-

¹⁰ Davies R.W., Harrison M. et al. *The Industrialisation of Soviet Russia*. Vol. 7: The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939. London, 2018. P. 370; Мотевич В.П. Состояние материально-технической базы сельского хозяйства на Урале в условиях Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Аграрное образование и наука. 2014. № 4. URL: https://aes-urgau.ru/images/2014/04/20_04_2014.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

¹¹ МТС во второй пятилетке: статистические материалы. М.; Л., 1939. С. 37; Сельское хозяйство Союза ССР: статистический справочник. М., 1939. С. 8–9.

¹² Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 124–125.

¹³ Davies R.W., Harrison M. et al. *The Industrialisation of Soviet Russia*... P. 370.

¹⁴ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 апреля 1940 г. «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Челябинской областей; Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей» (Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР (СП СССР). 1940 г. № 10. Ст. 251).

¹⁵ По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 1: Денежные доходы и расходы населения 1924–1990 гг. [Электронный ресурс]. М., 2006. С. 22–23. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/48233/ArchivalFonds_001.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

¹⁶ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: док-ты и мат-лы: в 5 т. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2: 1938–1939. С. 91.

¹⁷ Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. С. 156–157.

ственной артели в колхозах» от 21 января 1939 г.¹⁸, «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» от 27 мая 1939 г.¹⁹) развернули в регионах кампанию по обмеру всех приусадебных хозяйств, сопровождавшуюся изъятием незаконно прирезанной земли и конфискацией скота, если его поголовье превышало установленные для ЛПХ нормы. С целью ограничения их доходности и увеличения бюджетных поступлений с 1939 г. был повышен сельхозналог²⁰. Государство препятствовало любым зачаткам складывания инфраструктуры мелкого крестьянского предпринимательства, которое искажало саму идею коллективизации.

«Порча», привнесенная стихийным проникновением рыночных отношений, обнаружилась и в самой колхозной организации производства. Власть встревожили высокие денежные и натуральные затраты колхозов на наем сторонней рабочей силы. По данным Наркомата земледелия СССР в 1938 г. «при наличии большого процента колхозников, не участвующих в работах колхозов, 90 тыс. колхозов пользовалось наемной рабочей силой»²¹. 19 апреля 1938 г. было издано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неправильном распределении доходов в колхозах». В нем указывалось, что правления «увлеклись капитальным строительством, чрезмерными производственными расходами и затратами на административно-хозяйственное управление в колхозах», а также «затрачивают значительные средства деньгами и натурой на наем рабочей силы извне, что приводит к разбазариванию колхозных средств и снижению колхозных доходов». Для корректировки экономического поведения артелей постановление предписывало направлять на оплату трудодней не менее 60–70 % всех денежных доходов²².

Проблема наемного труда заставляла пристальнее присмотреться к положению единоличников, которые чаще всего и привлекались к артельным работам. Оказалось, что их статус был сопряжен с некоторыми преимуществами, ранее остававшимися в тени. Единоличникам позволялось содержать лошадей, что открывало возможности заниматься мелким предпринимательством, обслуживая как колхозы, так и колхозников (предлагая услуги по вспашке огородов, грузовому и пассажирскому извозу и т.д.). Лошадь также позволяла вести посредническую торговлю: скупать товары в одном районе и перепродавать в другом²³. В конце 1930-х годов поголовье лошадей в хозяйствах единоличников росло быстрее, чем в колхозно-совхозном секторе. Доходы от мелкого предпринимательства государством не учитывались и, соответственно, не облагались налогом. «Такие неправильно сложившиеся отношения к единоличным хозяйствам, – писал нарком финансов СССР А.Г. Зверев, – не могли не сказаться на вовлечение их в колхозы и, вместе с тем, отрицательно действуют на неустойчивых колхозников»²⁴. В ответ правительство в июле 1938 г. в 1,7 раза повысило обязательные страховые взносы на рабочих лошадей²⁵, а 21 августа 1938 г. ввело особый государственный налог на лошадей, который сделал их содержание в хозяйствах нерентабельным²⁶.

Обнаруженные дефекты аграрной экономики убеждали власть в необходимости пересмотра политики в отношении колхозов. Новое видение соотношения общественного и частного в сельском хозяйстве было озвучено А.А. Андреевым на XVIII съезде партии в марте 1939 г.: «Был период, когда наши колхозы были еще слабы и не в состоянии были брать на себя полностью обеспечение потребностей колхозников за счет общественного хозяйства. Тогда правильно был поставлен вопрос о допущении личного хозяйства колхозника

¹⁸ Политика раскрестьянивания в Сибири... С. 163–165.

¹⁹ СП СССР. 1939. № 34. Ст. 235.

²⁰ Политика раскрестьянивания в Сибири... С. 153.

²¹ Трагедия советской деревни... С. 415.

²² Там же. С. 102–105.

²³ Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Документально-монографическое издание. Новосибирск, 2011. С. 568.

²⁴ Трагедия советской деревни... С. 188.

²⁵ Аграрная политика советского государства... С. 568.

²⁶ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М., 1956. С. 345.

по скоту, приусадебных земель. Теперь, когда эта задача выполнена, все колхозники наделены коровами и усадьбами, и когда колхозы уже окрепли, надо ударение сделать на укрепление и расширение общественного колхозного хозяйства, повышение его роли в удовлетворении потребностей и доходов колхозников. Правильное сочетание личных интересов и общественных в колхозах остается основой колхозного строя, но личное хозяйство колхозных дворов должно все более носить узко-подсобный характер, а общеколхозное – возрастать как основное»²⁷. Речь шла о планах новой глубокой интервенции государства во внутренние дела колхозов, вмешательстве в операционные правила, вокруг которых выстраивалась их экономика. Направления этого вмешательства А.А. Андреев обозначил так: колхозника необходимо заинтересовать в повышении продуктивности, а значит труд должен быть «индивидуализирован в виде звеньев или отдельных колхозников, чем больше их труд материально поощрен, тем больше он производителен как в урожае, так и в животноводстве»; в оплате труда должно учитывать не только его количество, но и качество; работа в артели должна стать обязанностью: «Совершенно очевидно, что колхозы вправе требовать известного минимума труда в колхозе от каждого колхозника. Звание и права члена сельхозартели накладывают и известные обязательства. Нельзя называть себя колхозником и в то же время помыкать колхозом и лишь для вида отработать 30–40 трудодней»²⁸.

Системного вмешательства в организационные дела колхозов не произошло ни в конце 1930-х, ни в первой половине 1940-х годов. Хотя уже тогда было намечено создание нового органа, который занялся бы институциональным проектированием экономики сельхозартелей. На майском пленуме ЦК ВКП(б) 1939 г. И.В. Сталин говорил о намерении создать для крестьян «свой всесоюзный орган», который бы решал «некоторые вопросы колхозного строительства, при нашем участии и при нашей помощи»²⁹. Этот замысел реализуется после войны, когда в 1946 г. начнет работу Совет по делам колхозов. На рубеже 1930–1940-х годов власть ограничилась несколькими точечными мерами разной степени своевременности и эффективности – о них и пойдет речь далее.

Аномалия колхозного распределения труда. Абстрагируемся на время от задач партии и правительства и обратим внимание на структуру занятости в советских колхозах, а также на то, как она была взаимосвязана с системой трудодней. Начать следует с тех эффектов, которые порождались самой артельной формой организации сельхозпроизводства. Колхозы как относительно крупные производственные единицы по замыслу «творцов» коллективизации должны были копировать элементы фабричного способа производства. Это, в частности, выразилось в резко возросшей по сравнению с семейным крестьянским хозяйством специализацией труда, дифференциацией ролевых функций. Помимо разделения труда в полеводческих и животноводческих бригадах, колхозы содержали штат управленческого и обслуживающего персонала. В условиях отсутствия полноценного рынка труда внедрение трудодня должно было решить проблему сопоставимости разных трудносоизмеримых видов работ. Формально все они оценивались по единой семиразрядной сетке. Однако унифицировать способ оценивания было невозможно хотя бы из-за сосуществования постоянных и сезонных работ, выполняемых индивидуально или группами и требовавших разной квалификации. Поэтому в каждом колхозе в разных пропорциях присутствовали как повременная, так и сдельная оплата (групповая, мелкогрупповая, индивидуальная) трудоднями. Это формировало различные установки: в глазах колхозника одни виды работ выглядели привлекательнее других.

Допустимый процент расходования трудодней на оплату административного и обслуживающего персонала в колхозах был установлен постановлением Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б) и коллегии наркомата рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) СССР принятом в августе 1933 г. Он не должен был превышать 8 % от общего числа

²⁷ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет 10–12 марта 1939 г. Л., 1939. С. 119.

²⁸ Там же. С. 117, 118.

²⁹ Трагедия советской деревни... С. 421.

трудодней³⁰. В категорию административного и обслуживающего персонала входили председатели колхозов, члены правлений, заведующие отраслями и предприятиями, счетно-конторские работники, учетчики, завхозы, кладовщики, лица, обслуживающие контору, сторожа, работники детских учреждений и общественного питания.

Таблица

Расход трудодней на оплату
административно-обслуживающего персонала в колхозах СССР

Год	Кол-во начисленных трудодней, %
1933	7,0
1937	6,7
1938	6,8
1939	7,0
1940	8,6
1941	9,0
1942	10,9
1943	12,0
1944	11,9
1945	13,7

Составлено по: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1574. Л. 172.

Как видно из таблицы, с 1940 г. доля трудодней этой категории превысила установленную норму и продолжила расти. Частично это объясняется указанием Наркомзема СССР, в декабре 1940 г. предписавшего местным земельным органам дополнительно включить в состав управленческого и обслуживающего персонала заведующих животноводческими фермами, бригадиров, специалистов сельского хозяйства (агрономов, агротехников, зоотехников, ветврачей и ветфельдшеров, работавших в колхозах), а также всех прочих работников, освобожденных от физического труда. В результате в эту категорию дополнительно включили около 702 тыс. человек³¹. Однако это не объясняет дальнейшее увеличение доли при одновременном снижении общего количества выработанных трудодней в колхозах. Последний показатель упал в 1945 г. по сравнению с 1940 г. с 9 до 7 млрд³². Колхозы явно предпочитали не экономить на штатах управленцев и обслуживающего персонала даже при острой нехватке рабочих рук на физических работах.

Занятость в административном и обслуживающем аппарате колхозов с повременной оплатой позволяла вырабатывать значительно больше трудодней, чем на сезонных работах. По данным обследования 28 колхозов Алтайского края в 1946 г. кладовщику начислялось в среднем 465 трудодней в год, сторожу – 341 трудодень, тогда как лучший колхозник-полевод вырабатывал 334 трудодня. Схожие данные были получены по 15 колхозам Омской области: сторожу начислялось в среднем 338 трудодней, а лучшему полеводу – 270³³.

В структуре колхозного распределения труда преимущество в целом было на стороне занятых на постоянных работах с повременной оплатой. В животноводстве она была распространена значительно шире, чем в полеводстве, где доминировала сдельная форма. В 1941 г. будущий известный советский экономист-аграрник В.Г. Венжер, посетив колхозы Омской области, сделал несколько нетривиальных наблюдений о соотношении количества выработанных трудодней и типа занятости. Он обратил внимание, что в большинстве дворов с суммарной выработкой свыше 1 000 трудодней глава семьи (он же основной работник) занимал постоянную должность. Так, например, семья конюха И.Е. Гончарова из семи

³⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1574. Л. 171.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 172.

³³ Там же. Л. 175.

человек выработала за 10 месяцев 1 323 трудодня (из которых Гончаров выработал 502, а остальные – 821). Семья другого конюха Н.М. Жданкина из девяти человек выработала за тот же срок 1 264 трудодня (Жданкин – 698, остальные – 566)³⁴.

Сезонные полевые работы оказывались непривлекательными для того, чтобы сделать их основной формой заработка. В сельхозартели им. Т. Шевченко из 87 колхозников, участвовавших в полевых работах, только 12 были главами семей, в колхозе «Красная Сибирь» из 74 – 30³⁵. «Как правило, – заключал В.Г. Венжер, – в колхозном дворе глава семьи выработывает наибольшее и при этом гарантированное количество трудодней. Остальные члены семьи работают на так называемых разных работах, летом главным образом на полевых, и работают не регулярно. Они отрываются от работы в колхозе и не выходят на работу тогда, когда потребности подсобного хозяйства двора или необходимость съездить на базар этого требуют»³⁶.

В докладной записке заместителя заведующего сельхозотделом Новосибирского обкома ВКП(б) Н.Н. Жуковского от 21 декабря 1945 г. проблема разрыва между полной укомплектованностью административных и обслуживающих должностей и нехваткой рук в полеводстве поставлена наиболее остро: «Во многих колхозах Новосибирской области, и особенно в отстающих колхозах, большая группа опытных и здоровых колхозников не работает физически на колхозных работах и, прежде всего, в полеводстве <...> Эта группа колхозников заняла постоянные высокооплачиваемые должности, имеет много свободного времени, больше внимания уделяет своему личному хозяйству и живет лучше работников полеводства»³⁷. Например, в колхозе «Вперед» Болотнинского района возчику почты за 1944 год начислили 556 трудодней, фуражиру – 695, сторожу – 685, мельнику – 609, кладовщице – 553, уборщице конторы – 420. Средний заработок работников полеводства по колхозу составил 150–170 трудодней³⁸.

Усредненные данные о росте доли трудодней, приходившихся на административный и обслуживающий персонал, маскируют глубокую дифференциацию между передовыми и отстающими районами и колхозами. Записка Жуковского показывает, что в отстающих районах этот показатель превышал средний уровень. Например, в 1944 г. в Колыванском районе – 20,9 %, в Михайловском – 19,8 %, в Каргатском – 18,1 %³⁹. Еще более ярко выражена дифференциация на уровне колхозов. В передовых артелях (выполнявших государственные планы и имевших сравнительно высокую оплату трудодня) данный показатель, напротив, был значительно ниже среднего. В колхозе им. Кирова Чановского района с 1939 по 1943 г. на административный и обслуживающий персонал приходилось ежегодно менее 5 % трудодней. В колхозе «Большевик» Мошковского в 1943 г. – 6,6 %, а в 1944 г. – 8 %. В колхозе им. Сталина Кыштовского района с 1939 по 1944 г. процент колебался от 3,3 до 7,4⁴⁰. В отстающих колхозах картина обратная: в колхозе «Коммунист» Пихтовского района в 1944 г. показатель достиг 43,6 %, в колхозе им. Куйбышева Каргатского района – 35,5 %, в колхозе «Сибирская звезда» Колыванского района – 32,9 % и т.д.⁴¹

Предположительно, чем острее ощущался дефицит ресурсов, тем выше были издержки администрирования и обслуживания. В одном из документов описан случай колхоза «Юг» Одесского района Омской области, где на административных и обслуживающих должностях было занято 30,5 % (почти треть!) трудоспособных членов. Выяснилось, что колхоз вынужден был содержать 20 сторожей для охраны неработающих тракторов и другой техники, разбросанной по полям⁴².

³⁴ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3316. Л. 63–64.

³⁵ Там же. Л. 61.

³⁶ Там же. Л. 59.

³⁷ Сельское хозяйство Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сб. док-тов. Новосибирск, 2025. С. 237.

³⁸ Там же. С. 238.

³⁹ Там же. С. 236.

⁴⁰ Там же. С. 237.

⁴¹ Там же. С. 239.

⁴² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 123. Д. 293. Л. 62.

Структурная аномалия, по-разному проявлявшая себя в разных колхозах, заключалась в следующем: колхозники, вырабатывавшие наибольшее количество трудодней и, следовательно, больше других заинтересованные в реальном весе трудодня, не были задействованы в тех видах работ (в полеводстве), которые и формировали его основную стоимость. Сезонные полевые работы зачастую оказывались хронически недоукомплектованными. На них привлекались главным образом члены семей, которые совмещали труд в колхозе и ЛПХ. Это свидетельствует о глубоких структурных проблемах советского артельного способа организации сельхозпроизводства.

Обратим внимание на другой изъян колхозной экономики – предельно слабую постановку учета и контроля труда. Прежде всего это связано с текучестью квалифицированных счетоводов. С 1937 по 1939 г. число работавших в колхозах СССР счетоводов со специальной подготовкой сократилось с 141 166 до 97 538 чел. (более чем на 30 %). Доля счетоводов со стажем до одного года, наоборот, увеличилась с 28,4 % в 1935 г. до 38 % в 1939 г.⁴³ Это объяснялось низкими заработками: счетоводы предпочитали искать более оплачиваемую работу в городе. Военские мобилизации лишь усугубили кадровый дефицит. Во время войны серьезным тормозом стало плохое снабжение колхозов бланками и книгами учета труда со стороны бланкоиздательства ЦСУ⁴⁴. Сказанное заставляет с осторожностью относиться к количественным данным, поступавшим от колхозов и затем агрегировавшимся в общесоюзную статистику трудодней. Следует признать, что мы точно не знаем, какой реальный труд стоит за статистическими расчетами, какова была его производительность, интенсивность и своевременность.

Закон. Прозвучавшие на XVIII съезде партии слова о том, что труд в колхозах должен стать обязанностью, были воплощены в правовую норму 27 мая 1939 г. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) установило обязательный минимум в размере 100 трудодней для хлопковых районов, 60 – для районов особого списка⁴⁵ и 80 – для всех остальных районов СССР. Постановление правительства и партии рекомендовало колхозам лишать членства не выполнявших данную норму⁴⁶. Характерно, что минимум был заметно ниже средней выработки на одного колхозника, принимавшего участие в общественных работах (в 1938 г. она составила 212 трудодней⁴⁷). Это означает, что закон не требовал большего от тех, кто и без того был включен в артельную экономику. Скорее минимум был рассчитан на членов семей, занятых в ЛПХ, чтобы принудить их к отработке на малопривлекательных сезонных работах.

Первые результаты эксперимента по превращению трудодня из экономического измерителя в инструмент принуждения должны были удовлетворить политическое руководство. Число взрослых трудоспособных колхозников, не участвовавших в общественных работах, сократилось по стране с 6,5 % в 1938 г. до 3,4 % в 1939 г. Средняя выработка трудодней на одного участвовавшего поднялась с 212 до 219⁴⁸. При этом пробная мера показала, что потенциал принуждения далеко не исчерпан. Усредненный показатель и на этот раз скрывал глубокую дифференциацию. В 1939 г. из общего числа колхозников выработали среднее и выше количество трудодней 42,9 %. Не участвовали в работах 3,4 %, выработали до 50 трудодней – 14 %, от 51 до 100 – 14,6 %, от 101 до 200 – 25,1 %⁴⁹. При ужесточении санкций и повышении минимума можно было бы потребовать большей отдачи примерно от 32 % колхозников.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 77. Л. 51.

⁴⁴ Там же. Л. 148.

⁴⁵ Московской, Ленинградской, Ивановской, Ярославской, Горьковской, Калининской, Вологодской, Тульской, Рязанской, Смоленской, Архангельской, Мурманской, Кировской, Пермской, Свердловской, Читинской областей, Хабаровского и Приморского краев, Карельской, Коми, Марийской и Якутской АССР, высокогорных зерновых и животноводческих районах по списку Наркомзема СССР.

⁴⁶ История колхозного права: сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. II: (1937–1958 гг.). М., 1958. С. 110.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 77. Л. 27.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 30.

Колхозы подходили к исключению «тунеядцев» достаточно осторожно. В 1939 г. в СССР из артелей было 501,2 тыс. человек (8,5 % от числа не выработавших минимума)⁵⁰. Для многих исключенных это не становилось проблемой: они продолжали жить в артели, поскольку другой член семьи оставался колхозником. В некоторых документах такие хозяйства называли «половинчатыми». Они пользовались всеми правами колхозного двора, но не несли ответственности за участие в работах всех трудоспособных членов семьи. «Половинчатые» хозяйства платили повышенный сельхозналог, но имели больше времени для ведения ЛПХ⁵¹.

В 1942 г. обстоятельства потребовали поднять минимальный порог трудодней. 2 марта 1942 г. заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреев получил от своего заместителя Н.Я. Ицкова проект постановления о повышении минимума. В сопроводительной справке утверждалось, что прежний закон утратил свое мобилизующее значение: существующий минимум слишком низок, его можно выработать за 30–40 дней на любых самых выгодных для колхозника работах, и «часть отсталых и несознательных колхозников использует его для того, чтобы на “законном основании” не принимать систематического участия в колхозном производстве и в то же время пользоваться всеми правами членов колхоза»⁵².

Окончательный вариант постановления был принят 13 апреля 1942 г.⁵³ Обязательный минимум повысился до 150 трудодней в хлопковых районах, 100 – в районах особого списка⁵⁴ и 120 – для всех остальных районов СССР. Устанавливался минимум для подростков от 12 до 16 лет – 50 трудодней. Исправлялся недостаток постановления 1939 г. – возможность выполнить норму на любых работах в любое время года. Теперь годовой минимум раскладывался по четырем сельскохозяйственным периодам (до 15 июня, с 15 июня по 15 августа, с 15 августа по 15 октября, после 15 октября), и в каждом нужно было отработать фиксированную часть. Ужесточались санкции по отношению к «лодырям»: помимо угрозы исключения, не выработавшие минимума по периодам без уважительных причин наказывались исправительно-трудовыми работами в колхозе на срок до шести месяцев с удержанием из оплаты до 25 % в пользу колхоза. Материалы в народный суд должны были предоставлять председатели и бригадиры; за уклонение от этого им самим грозила судебная ответственность.

Подключение к борьбе с «тунеядцами» системы юстиции должно было довести до автоматизма и сделать неизбежным наказание за проступок. Однако ожидаемый эффект утонул в правоприменительном хаосе с первых дней после публикации постановления. На 15 июля 1942 г. по неполным данным Наркомата юстиции в народные суды поступило 96 165 дел на крестьян, не выполнивших минимум. Около 20 % из них суды прекратили до рассмотрения, примерно по стольким же вынесли оправдательные приговоры⁵⁵. Первые отчеты об исполнении закона свидетельствовали о полном беспорядке в привлечении к уголовной ответственности. Председатели и бригадиры, напуганные угрозой судебного преследования, боялись самостоятельно решать, какие причины невыполнения следует считать уважительными⁵⁶. Зафиксировано множество случаев, когда руководство артелей направляло в суд списки колхозников без предварительного разбирательства⁵⁷. Далеко не всегда народные суды проявляли щепетильность в определении причин невыполнения минимума. Например, в Аромашевском районе Омской области судья Шумихин осудил «огульно по списку» 410 колхозников из 47 колхозов, посадив на скамью подсудимых

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 77. Л. 31.

⁵¹ Там же. Л. 32.

⁵² Там же. Л. 28–29.

⁵³ Руководящие материалы по вопросам сельского хозяйства. М., 1942. С. 38.

⁵⁴ Московской, Ленинградской, Ивановской, Ярославской, Горьковской, Калининской, Вологодской, Тульской, Рязанской, Смоленской, Архангельской, Мурманской, Кировской, Молотовской, Свердловской, Читинской областях, Хабаровском и Приморском краях, в Карело-Финской ССР, Коми, Марийской и Якутской АССР, в высокогорных зерновых и животноводческих районах по списку Наркомзема СССР.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 77. Л. 170.

⁵⁶ Там же. Л. 172.

⁵⁷ Там же. Л. 139.

из одного лишь колхоза «Парижская коммуна» 32 человека, включая 16 пожилых в возрасте от 57 до 73 лет и двух подростков до 16 лет⁵⁸. Пришлось давать дополнительные инструкции. 14 июля 1942 г. вышел приказ наркома юстиции СССР – не принимать к рассмотрению дела на колхозников старше 60 лет, колхозниц старше 55 лет и подростков моложе 16 лет⁵⁹.

Органы юстиции явно оказывались не на высоте поставленных задач. Дела нередко рассматривались судами заочно, без вызова свидетелей, материалы, предоставляемые колхозами, принимались без проверки, действительные причины невыполнения минимума во многих случаях не выяснялись. Повсеместно фиксировались случаи как неправильного оправдания, так и необоснованного осуждения – без учета возраста колхозников, болезней и иных уважительных причин⁶⁰. Неблагополучно обстояло дело и с исполнением приговоров. В докладной записке прокурора Новосибирской области К.Я. Румянцева (июнь 1944 г.) указывалось, что из-за отсутствия учета со стороны бюро исправительно-трудовых работ ряда районов приговоры народных судов остаются неисполненными и теряют смысл⁶¹.

Практика применения уголовного наказания выявила провалы в учете трудодней. Председатели не имели оперативных данных о выработке трудодней к концу каждого сельскохозяйственного периода. В ряде колхозов записи в трудовых книжках делались с большим опозданием, а подросткам книжки не выдавались вовсе⁶². Кроме того, сами колхозы не всегда могли обеспечить работой в течение всех сельскохозяйственных периодов. В некоторых случаях правления саботировали закон, не выдавая нарушителей. Например, председатель колхоза «Коммунизм» Омской области Саитов не передал материалы в суд, «потому что его жена и дочь тоже не работают в колхозе, а собирают ягоды и грибы»⁶³.

В справке наркома земледелия И.А. Бенедиктова о ходе выполнения постановления, написанной 23 июля 1942 г., выделялись три категории крестьян, не выполнивших закон о минимуме трудодней. Первая – занятые в ЛПХ и обеспеченные заработком других членов семьи. Вторая – выжидающие подходящей для себя работы, чей труд не был равномерно распределен по периодам. Третья, «лодыри» и «симулянты», как указывалось в докладной, была самой немногочисленной⁶⁴.

Закон об обязательном минимуме трудодней был вызван уверенностью власти в том, что ЛПХ скрывают еще незадействованные резервы рабочей силы. Это убеждение А.А. Андреев высказал еще в мае 1939 г. на совещании с секретарями обкомов и крайкомов ВКП(б): «За приусадебными участками у нас скрывается огромное количество рабочей силы и создается неправильное положение – колхозы нуждаются в рабочей силе»⁶⁵. Надо сказать, что закон был принят весьма своевременно для власти. Внутридворовое распределение труда чаще всего предполагало занятость главы семьи в колхозе. Труд же остальных членов семьи в разных пропорциях был разделен между артелью и ЛПХ. Из-за воинских мобилизаций, которые лишали дворы основных работников, возникала угроза дестабилизации колхозного производства. Обязательный минимум позволил гарантировать участие (хотя во многих случаях ограничивающееся выполнением нормы) в артельных работах подавляющего большинства оставшегося трудоспособного населения.

Стимул. Некоторые элементы стимулирования труда колхозников были зафиксированы еще в Примерном уставе сельхозартели 1935 г. Его пункт 15 гласил: «Если полеводческая бригада в результате хорошей работы собирает с закрепленных за ней участков урожай выше среднего колхозного или животноводческая бригада в результате лучшей работы обеспечивает больший удой коровы, большую упитанность скота, полное сохранение молодняка,

⁵⁸ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3267. Л. 23.

⁵⁹ Законодательные и административно-правовые акты военного времени. 22 марта 1942 г. – 1 мая 1943 г. М., 1943. С. 237.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 77. Л. 176.

⁶¹ Сельское хозяйство Новосибирской области... С. 191.

⁶² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 77. Л. 138.

⁶³ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3267. Л. 24.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 77. Л. 145–147.

⁶⁵ Там же. Д. 18. Л. 69.

то всем членам такой бригады правление артели производит начисление дохода в размерах до 10 % всего числа выработанных ими трудодней, выдающимся ударникам в бригаде – в размере до 15 %, а бригадиру и заведующему фермой – до 20 %»⁶⁶. Такой меры стимулирования было недостаточно. Учитывая сравнительно низкую выработку трудодней работниками полеводства, прибавку в 10 % вряд ли можно назвать ощутимой.

Помимо пропорциональной, правительство допускало и прямую доплату трудоднями за перевыполнение планов. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 апреля 1940 г. «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Челябинской областей; Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей»⁶⁷ колхозам перечисленных краев и областей предлагалось «ввести дополнительное начисление трудодней колхозникам, работающим в звеньях колхозных бригад или в бригадах, за каждый полученный в их звене или бригаде сверх установленного плана урожайности центнер зерновых и зернобобовых культур – 2–3 трудодня». Результат применения данной меры оказался мизерным. В 1940 г. во всех сельхозартелях Западной Сибири дополнительно начислили 1267 трудодней, что составляло 0,25 % от их общего числа⁶⁸. Главной причиной являлась низкая урожайность в абсолютном большинстве колхозных бригад и звеньев.

Столь же малое распространение получило и прямое материальное поощрение, поставленное в зависимость от перевыполнения планов. В 1939–1941 гг. для каждого из регионов СССР были приняты постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о дополнительной оплате труда за повышение урожайности и продуктивности животноводства⁶⁹. Партия и правительство рекомендовали колхозам выдавать бригадам и звеньям часть сверхплановой продукции натурой или оплачивать деньгами. В регионах Западной Сибири для занятых в производстве зерновых рекомендовалось выдавать четвертую часть сверхпланового урожая, а по озимой пшенице, гречихе и зернобобовым – половину⁷⁰. Воспользоваться этой возможностью смогли немногие. В 1941 г. дополнительную оплату получили 4,9 % полеводческих бригад и 14 % звеньев, в 1942 г. – 1,9 и 3 %, в 1943 г. – 2,2 и 4 %, в 1944 г. – 2,9 и 7,9 %, в 1945 г. – 3 % бригад и 9,3 % звеньев⁷¹. Причина та же – низкая урожайность. Кроме того, постановление предполагало высокие требования к организации и учету труда. Колхозы, которые не справлялись с простой количественной фиксацией трудодней, вряд ли были способны вести раздельный учет по бригадам, звеньям и культурам.

Более удачной мерой стало приоритетное авансирование колхозников, занятых во время уборки на полевых работах и вывозке урожая. В 1941 г. в районах Сибири, Молотовской, Кировской, Вологодской и Архангельской областей, северных областей Казахской ССР, Коми и Татарской АССР колхозникам, занятым на уборке и выполняющим установленные нормы выработки, разрешили с 26 сентября по 15 октября производить повышенную оплату труда натурой сверх начисленных трудодней. Правлениям предоставлялось право выдавать до 5 кг зерна за каждый скошенный конными машинами гектар и до 15 кг – за скошенный вручную. Столько же (до 15 кг) разрешалось выдавать за просушку сырого хлеба в поле, вязку снопов, переноску и укладку их в копны, а за скирдование хлеба – до 7 кг за каждый гектар⁷².

⁶⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т.: сб. док-тов за 50 лет. Т. 2: 1929–1940 гг. М., 1967. С. 527.

⁶⁷ Там же. С. 749–752.

⁶⁸ Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 41.

⁶⁹ См.: Вылцан М.А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны. (1938–1941 гг.). М., 1970. С. 26–27; Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири... С. 40.

⁷⁰ О дополнительной оплате труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства по Алтайскому краю: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). Камень, 1941; О дополнительной оплате труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства по Новосибирской области. Новосибирск, 1942. 19 с.

⁷¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 1710. Л. 116.

⁷² Правда. 1941. 2 окт.

Начиная с 1942 г. принцип приоритетного авансирования участвующих в уборке закреплялся для всех колхозов страны в ежегодных постановлениях СНК СССР и ЦК ВКП(б) об уборке урожая и заготовках сельхозпродуктов. Партия и правительство предписывали половину отчисляемого на авансовые выплаты зерна, риса, подсолнечника, картофеля и овощей распределять на трудодни, выработанные на всех уборочных и других полевых работах в период уборки урожая, а также на вывозке продукции⁷³.

Эта мера была действенной потому, что колхоз, не дожидаясь окончательного расчета по трудодням, мог поощрять работников продуктами за выполнение конкретных видов работ. Таким стимулом могли воспользоваться все, в том числе и отстающие артели. Изъян заключался в том, что, помимо уборочного периода, остальные сезонные работы (осенние, зимнее и, главное, весенние) оставались без поощрения. Например, в колхозе «Красный борец» Омской области с августа по октябрь 1942 г. явка работников полеводства на работу составляла 95 % к максимально возможному количеству человеко-дней. В ноябре этот показатель падал до 38 %, а в мае-июне не поднимался выше 54 %⁷⁴. Уборочные работы действительно были решающими и требовали наибольших трудозатрат, однако на конечную урожайность влиял весь комплекс полевых работ, который стимулировался неравномерно.

Есть основания полагать, что принцип приоритетного авансирования был не более чем попыткой узаконить и отрегулировать уже существовавшую в колхозах неформальную практику стимулирования. Например, в 1940 г. правление колхоза «Колос» Омской области во время уборки приняло решение выдавать по 0,8 кг за выполненную норму выработки вне зависимости от количества трудодней⁷⁵. Это свидетельствовало о том, что колхозы находили собственные способы смягчать негативные эффекты выявленной нами структурной аномалии. Такие выплаты компенсировали работникам полеводства низкие заработки при окончательном расчете за трудодни.

Другое дело, что такого рода неформальные выплаты нарушали принцип зависимости доходов от количества выработанных трудодней. Установленный государством принцип приоритетного авансирования предполагал, что выданное зерно, картофель и овощи по трудодням, заработанным в период уборки, засчитывается в конце года в счет окончательного распределения доходов по трудодням. То есть предполагалось, что в конце года при окончательном расчете стоимость трудодня будет выровнена вне зависимости от того, кем и когда он был выработан.

Колхозы сплошь нарушали установленное государством правило. В конце года оказывалось, что трудодень оценивался по-разному. Так, в колхозе «Путь бедноты» Омской области в 1942 г. на каждый «уборочный» трудодень было выдано 1,5 кг зерна, а на «общий» трудодень – 0,2 кг, т.е. в 7 раз меньше. При этом правление колхоза рисковало вызвать недовольство со стороны других работников, например животноводческих бригад, трудодень которых оценивался ниже. Но при всем несовершенстве такого метода стимулирования, который вносил хаос в окончательные расчеты колхозов с работниками, именно он позволял хотя бы частично компенсировать низкую привлекательность полевых работ. Действенной могла быть именно дополнительная оплата, а не аванс.

Заключение. В рассматриваемый период резко возросло значение ручного труда в колхозном полеводстве. Государство видело скрытые резервы труда в тех членах семей колхозников, которые в силу внутридворового распределения труда были заняты в ЛПХ. Ведение обязательного минимума трудодней позволяло сместить пропорцию трудозатрат (хотя и нерадикально) от ЛПХ к общественным работам в колхозе. Так, трудодень из экономического измерителя превратился в инструмент принуждения. Это было сделано вовремя: воинские мобилизации лишили многие семьи основных работников и отсутствие принуждения могло бы еще больше дестабилизировать колхозное производство. Однако проблема его низкой эффективности коренилась гораздо глубже. Полеводство, где производился

⁷³ История колхозного права... С. 226.

⁷⁴ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3316. Л. 9.

⁷⁵ ИАОО. Ф. 437. Оп. 9. Д. 878. Л. 37.

основной продукт, востребованный государством, было наименее привлекательным местом приложения труда. Работники полеводческих бригад вырабатывали меньше трудодней, чем административно-обслуживающий персонал и животноводы. Это негативно сказывалось на вовлеченности колхозников в полевые работы – многие из них ограничивались отработкой обязательного минимума.

Предложенные государством меры стимулирования оказались неэффективными. Даже приоритетное авансирование уборочных работ в том виде, в каком оно предлагалось государством, было проблематичным из-за отстаиваемого принципа равной стоимости трудодня для всех видов работ. Поэтому наиболее действенным способом стала неформальная колхозная практика прямой оплаты полевых работ безотносительно количества выработанных трудодней. По всей видимости, без ломки системы трудодней, которая вытесняла работников полеводства «на обочину», исправить ситуацию было невозможно. Существенным минусом данного метода была его применимость только в конце сельскохозяйственного сезона, когда у колхоза появлялся натуральный фонд оплаты труда.

Литература

Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Документально-монографическое издание / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2011. 608 с.

Аргунов О.Н. К вопросу о материальном обеспечении трудодней в период восстановления сельскохозяйственной отрасли народного хозяйства Курской области (1943–1957 гг.) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (276). С. 104–109.

Викторов А.Ю. Доходы колхозников Кузбасса от общественного хозяйства в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3. С. 108–112.

Вылцан М.А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938–1941 гг.). М.: Политиздат, 1970. 200 с.

Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск: Наука, 1975. 284 с.

Мотревич В.П. Повышение обязательного минимума трудодней в СССР и его реализация на Урале // Аграрный вестник Урала. 2014. № 9 (127). С. 51–53.

Мотревич В.П. Советский трудодень – зарплата «крепостных» колхозников в условиях тоталитарного государства // Аграрный вестник Урала. 2013. № 3 (109). С. 38–43.

Мотревич В.П. Состояние материально-технической базы сельского хозяйства на Урале в условиях Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Аграрное образование и наука. 2014. № 4. URL: https://aes-urgau.ru/images/2014/04/20_04_2014.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

Насибуллина Р.М. Оплата труда колхозников и рабочих совхозов Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Башкирского университета. 2007. № 1. С. 156–159.

По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 1: Денежные доходы и расходы населения 1924–1990 гг. [Электронный ресурс] / сост. Ю.И. Кашин, В.В. Миков. М., 2006. С. 22–23. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/48233/ArchivalFonds_001.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. 214 с.

Политическая экономия: учебник / ред. К.В. Островитянов и др. М.: Госполитиздат, 1954. 638 с.

Рыков А.В. Внеэкономическая мотивация колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Алтайского края) // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 130–134.

Сельское хозяйство Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сборник документов и материалов / отв. ред. В.А. Ильиных, Д.Г. Симонов. Новосибирск, 2025. 304 с.

Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 224 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: док-ты и мат-лы: в 5 т. М., 2006. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2: 1938–1939 / под ред. В. Данилова. С. 188.

Шубин С.И. История трудодня (1930–1966) как меры труда и инструмента его стимулирования // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 6. С. 31–37.

Шувалова Ю.Б. Уровень интенсивности труда колхозников в годы Великой Отечественной войны на примере Молотовской (Пермской) области // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 1 (204). С. 146–159.

Davies R.W., Harrison M., Khlevniuk O., Wheatcroft S.G. The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 7: The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939. London: Macmillan Publishers Ltd., 2018. 439 p.

References

Argunov, O.N. (2017). K voprosu o material'nom obespechenii trudodney v period vosstanovleniya sel'skokhozyaystvennoy otrasli narodnogo khozyaystva Kurskoy oblasti (1943–1957 gg.) [On the Issue of Material Support of Workdays in the Period of Restoration of the Agricultural Branch of the National Economy of the Kursk Region (1943–1957)]. In *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 3 (276), pp. 104–109.

Danilov, V. (Ed.) (2004). *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939: vokumenty i materialy: v 5 tomakh* [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivisation and Dekulakization. 1927–1939. Documents and Materials. In 5 vol.]. Vol. 5: 1937–1939. Book 2: 1938–1939. Moscow, ROSSPEN. 704 p.

Davies, R.W., Harrison, M., , Khlevniuk, O., Wheatcroft, S.G. (2018). *The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 7: The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939*. London, Macmillan Publishers Ltd. 439 p.

Gushchin, N.Ya., Kosheleva, E.V., Charushin, V.G. (1975). *Krest'yanstvo Zapadnoy Sibiri v dovoennye gody (1935–1941)* [The Peasantry of Western Siberia in the Pre-War Years (1935–1941)]. Novosibirsk, Nauka. 284 p.

Ilinykh, V.A., Kavtsevich, O.K. (Eds.). (2000). *Politika raskrest'yanivaniya v Sibiri. Vyp. 1: Etapy i metody likvidatsii krest'yanskogo hozyaystva. 1930–1940 gg.* [The Policy of De-Peasantization in Siberia. Novosibirsk. Issue 1: Stages and Methods of Liquidating Peasant Farms]. Novosibirsk. 214 p.

Ilinykh, V.A., Simonov, D.G. (Eds.). (2025). *Sel'skoe khozyaystvo Novosibirskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sbornik dokumentov i materialov* [Agriculture of the Novosibirsk Region during the Great Patriotic War: A Collection of Documents and Materials]. Novosibirsk. 304 p.

Motrevich, V.P. (2013). Sovetskiy trudoden' – zarplata “krepostnykh” kolkhoznikov v usloviyakh totalitarnogo gosudarstva [Soviet Workday – the Salary of “Serf” Collective Farmers in a Totalitarian State]. In *Agrarnyy vestnik Urala*. No. 3 (109), pp. 38–43.

Motrevich, V.P. (2014). Povyshenie obyazatel'nogo minimuma trudodney v SSSR i ego realizatsiya na Urale [Increasing the Mandatory Minimum of Workdays in the USSR and Its Implementation in the Urals]. In *Agrarnyy vestnik Urala*. No. 9(127), pp. 51–53.

Motrevich, V.P. (2014). Sostoyanie material'no-tekhnicheskoy bazy sel'skogo khozyaystva na Urale v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy voyny [The State of the Material and Technical Base of Agriculture in the Urals during the Great Patriotic War]. In *Agrarnoe obrazovanie i nauka*. No. 4. Available at: URL: <http://www.aon.urgau.ru/ru/4-2014> (date of access 07.04.2026).

Nasibullina, R.M. (2007). Oplata truda kolkhoznikov i rabochikh sovkhozov Bashkirii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Remuneration of Collective Farmers and State Farm Workers

in Bashkiria during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. No. 1, pp. 156–159.

Ostrovityanov, K.V. (Ed.). (1954). *Politicheskaya ekonomiya* [Political Economy]. Moscow, Gospolitizdat. 639 p.

Rykov, A.V. (2017). Vneekonomicheskaya motivatsiya kolkhoznogo krest'yanstva v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Altayskogo kraya) [Non-Economic Motivation of Collective Farm Peasantry during the Great Patriotic War (Based on Materials from Altai Krai)]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (94), pp. 130–134.

Shubin, S.I. (2013). Istoriya trudodnya (1930–1966) kak mery truda i instrumenta ego stimulirovaniya [The History of the Workday (1930–1966) as a Measure of Labor and an Instrument for Its Incentivization]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 6, pp. 31–37.

Shuvalova, Yu.B. (2021). Uroven' intensivnosti truda kolkhoznikov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny na primere Molotovskoy (Permskoy) oblasti [The Level of Labor Intensity of Collective Farmers during the Great Patriotic War on the Example of the Molotov (Perm) Region]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 23, No. 1 (204), pp. 146–159.

Stalin, I.V. (1952). *Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR* [Economic Problems of Socialism in the USSR]. Moscow, Gospolitizdat. 224 p.

Viktorov, A.Yu (2011). Dokhody kolkhoznikov Kuzbassa ot obshchestvennogo khozyaystva v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Incomes of Collective Farmers of Kuzbass from Public Economy during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 108–112.

Vyltsan, M.A. (1970). *Sovetskaya derevnya nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny (1938–1941 gg.)* [Soviet Village on the Eve of the Great Patriotic War (1938–1941)]. Moscow, Politizdat. 200 p.